

С.А. Смирнов

© Смирнов С.А., 2021

МИХАИЛ БАХТИН: ВОЗРОЖДЕНИЕ АВТОРА

Исследование выполнено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Философская автобиография как метод антропологической навигации», № 19–011–00124\21).

Аннотация. В статье представлен анализ автобиографического опыта философа и мыслителя М.М. Бахтина, проделанного им в слове, в устном жанре высказывания. Показано, что, несмотря на отказ философа написать о себе воспоминания, он проделал уникальный опыт устного рассказа, состоявшийся в Голосе. В этом контексте автор статьи анализирует основные идеи Бахтина, касающиеся его концепции автора и героя через призму проблемы автобиографии и самоотчета-исповеди, в которых главными архитектурными пределами выступают «я» и «другой». Представлено, что и сам Бахтин применил к своему личному опыту жанр самоотчета-исповеди, избрав для этого соответствующую тональность рассказа, тональность молитвы-покаяния. Показана проблема понимания философии Бахтина, относящаяся к разного рода редукциям, связанным с тем, что интерпретация его философии происходит в рамках толкования текстов и набросков. В то время как участие понимание его как автора должно заключаться в том, чтобы сквозь текст услышать его уникальную интонацию, его авторский голос.

Ключевые слова: автор; герой; тональность; интонация; голос; антропология; человек; автобиография; самоотчет; исповедь.

Получено: 10.08.2021

Принято к печати: 10.09.2021

Информация об авторе: *Смирнов* Сергей Алевтинович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, ул. Николаева, 8, 630090, Новосибирск, Россия.

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Для цитирования: Смирнов С.А. Михаил Бахтин: возрождение автора // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 79–99.

DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.05

Sergei A. Smirnov

© Smirnov S.A., 2021

MIKHAIL BAKHTIN: THE AUTHOR'S REVIVAL

Acknowledgements. *This study was carried out with a grant from the Russian Science Foundation (project № 19-011-00124\21).*

Abstract. The article presents an analysis of the autobiographical experience of the philosopher and thinker M.M. Bakhtin, done by him in the word, in the oral genre of the utterance. It is shown that, despite the refusal of the philosopher to compose memories of himself, he made a unique experience of oral storytelling, taking place in the Voice. In this context, the author of the article analyzes the main ideas of Bakhtin concerning his concept of the author and the hero through the prism of the problem of autobiography and self-report-confession, in which I and the other are the main architectonic limits. It is presented that Bakhtin himself applied the genre of self-report-confession to his personal experience of telling about himself, choosing for this the appropriate tonality of the story, the tonality of prayer-repentance. The problem of understanding Bakhtin's philosophy is shown, referring to various kinds of reductions associated with the fact that the interpretation of his philosophy takes place within the framework of the interpretation of texts and sketches. At the same time, a participatory understanding of him as an author should consist in hearing through the text his unique intonation, his author's voice.

Keywords: author; hero; tonality; intonation; voice; anthropology; person; autobiography; self-report; confession.

Received: 10.08.2021

Accepted: 10.09.2021

Information about author: *Sergey A. Smirnov*, DSc in Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaev Street, 8, 630090, Novosibirsk, Russia.

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

For citation: Smirnov, S.A. "Mikhail Bakhtin: The Author's Revival". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 79–99. (In Russ.)

DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.05

Михаил Михайлович Бахтин, отрицательно относившийся к тому, чтобы самому писать о себе воспоминания, составлять какую-то автобиографию, все же оставил самые разнообразные свидетельства о себе в виде разговоров, бесед, встреч. Он оставил Слово. Этому способствовали как многочисленные ходоки, приходившие к нему поговорить, засвидетельствовать, так сказать, свое почтение, да и просто посмотреть на него, послушать, как ходили когда-то к Л.Н. Толстому, так и разные исследователи, специалисты из самых разных областей наук и искусств, нуждавшиеся в его совете, слове, просто в молчаливом участии.

Будучи одним из самых небюрографичных и антиавтобиографичных авторов, М.М. Бахтин тем не менее представляет уникальный пример проделывания особого личного опыта разговора о самом себе, о собственной биографии, опыта понимания им самим своей жизни, своего места (случайного ли?) в мире, своего собственного голоса, к которому мы пытаемся прислушаться и услышать то потаенное, что скрыто в его интонациях.

Именно этому будет посвящена наша работа – автобиографическому опыту М.М. Бахтина, проделанному им в Голосе. Поэтому собственно сами его работы и идеи, философская антропология, нравственная философия, история культуры, представленные в его трудах, обсуждаться будут лишь косвенно постольку, поскольку это будет так или иначе связано с пониманием его автобиографического опыта. А материалом для нас будут служить его разговоры, беседы, его так или иначе услышанный и зафиксированный разными собеседниками Голос. Живой и неповторимый.

И здесь мы вступаем в диалог, не предполагающий согласие двух, а вынуждающий вопрошание по крупному счету. М.М. Бахтин полагал, что рассказывающий и пишущий о себе автор, создавший «автобиографию или правдивейшую исповедь», все равно «как создавший ее, остается вне изображенного в ней мира». Я, рассказывающий даже о вчерашнем событии, нахожусь уже вне хронотопа того события, о котором рассказываю. Поэтому отождествлять себя-рассказчика с собой тем, о котором я рассказываю, героем события, нельзя [4, с. 288].

Это значит, что Бахтин, рассказывающий о себе, и тот Бахтин, о котором он рассказывает, – два разных существа. По той простой причине, что они живут и жили в разных хронотопах, т.е.

в разных мирах. У них разные состояния, разные мысли и чувства, разные образы мира и разное ощущение себя в событии. У них разные событийные миры. Бахтин, рассказывающий о себе, автор, и Бахтин, о котором он рассказывает, герой рассказа, живут в разных мирах. Автор, свидетельствующий о себе, своем опыте, событиях жизни, и герой, проживавший тогда, в тех событиях, – говорят друг с другом из разных миров. Что их связывает? Как избежать ложного самообмана и иллюзии, о которых сам Бахтин говорил еще в АГ относительно специфики автобиографии как формы самообъективации личности [7, с. 215–217, и др.]. Автор собственной биографии так или иначе будет впадать в иллюзию правдивого рассказа о самом себе, так или иначе подправляя ее (себя в ней) и показывая себе не того, кто был реально, как есть, а того, кем хочется быть в его глазах. Но эти глаза будут чужими глазами: «Автор биографии – это тот возможный другой, которым мы легче всего бываем одержимы в жизни, который с нами, когда мы смотрим на себя в зеркало, когда мы мечтаем о славе, строим внешние планы жизни...» [7, с. 217].

Мы сталкиваемся с главной проблемой – связности и дружности Автора и Героя автобиографии. Но если их различия голосов понятны и объяснимы в пределах художественного целого, где автор не равен своим героям, то в случае рассказа Бахтина о себе мы имеем дело с живыми свидетельствами жизни, главным аргументом которых выступает исповедальность свидетельств живого опыта. В свидетельстве главным критерием правды выступает показ, предъявление живого опыта из рук в руки – иди и смотри!

Бахтин так или иначе при своем рассказе о самом себе тоже уже давно попадает в ситуацию, которую сам же и описал, в ситуацию переживания и проживания синдрома «человека у зеркала». Он так или иначе, как любой автор, начинает смотреть на себя как на другого, смотреть иными глазами, не своими, чужими [2, с. 71].

Эта тема важна нам как повод задать себе вопрос: Бахтин, как Автор, рассказывающий о себе, и Бахтин, Герой рассказа, это два разных Бахтина? Если следовать его же собственным утверждениям, то он, рассказывая о себе, находясь в ином хронотопе, рассказывал о другом человеке? Преодолевал ли он этот синдром человека у зеркала? Видел ли он себя своими глазами? И что ему

позволяло видеть себя в правде, как есть, видеть свою другость, обладать избытком видения?

Бахтин сам и ответил. Преодоление одержимости «человеком у зеркала» возможно при избрании соответствующей *тональности и формы авторского высказывания о себе*. Такой формой может быть только *самоотчет-исповедь* [6, с. 208–209].

Тональность самоотчета-исповеди позволяет автору избежать зависимости себя от чужого хронотопа и все же услышать себя, того себя, далекого, о котором ты рассказываешь теперь, находясь в ином хронотопе. Самоотчет-исповедь позволяет обрести сугубо личностный (не интимно-личный), т.е. ответственный взгляд на себя как на своего собственного героя. И предъявить его на суд.

Да, в пределе самоотчет-исповедь стремится к «ценностно-одинокому отношению к себе самому», преодолевая крайности самооправдания и самобичевания. Но на пути к этому пределу автору самоотчета-исповеди нужен единственно онтологически другой, Судия, судящий автора, не эстетизируя его [7, с. 209]. В абсолютно ценностной пустоте предельное высказывание невозможно. Нужен онтологически другой. Только Он принимает тебя как есть в твоей правде [7, с. 210].

Тему человека у зеркала М.М. Бахтин продолжал всю жизнь. В 1971 г. он добавляет: «Что я понимаю под *я*, когда говорю и переживаю: «я живу», «я умру» и т.д. («я емь», «меня не будет», «меня не было»). *Я-для-себя* и *я-для-другого*, *другой-для-меня*. Что во мне дано мне непосредственно и что – только через другого <...>. Человек у зеркала. *Не-я* во мне, т.е. бытие во мне, нечто большее меня во мне. В какой мере возможно объединение *я* и *другого* в одном нейтральном образе человека» [2, с. 351].

Разговор об автобиографическом опыте Бахтина неминуемо спотыкается, встречаясь с принципиальной неисчерпаемостью того, кто говорит о себе, и того, о ком он говорит. Просто потому, полагал сам Бахтин, что мне, вознамерившемуся рассказать про себя, не даны мои собственные временные и пространственные границы [2, с. 351]. Единственный способ понимания себя возможен через «высший архитектурный принцип действительности поступка» – соотнесение *я* и *другого* [7, с. 67].

В таком случае возникает еще вопрос: в разговоре Бахтина о себе самом кто выступает тем другим, позволяющим ему самому

видеть себя как другого? Его современники? Его друзья из ближнего круга? Или потомки-исследователи, стремящиеся как-то понять его, открыть его для себя, но того, уже дальнего и «провиденциального собеседника»? Или тот верховный Судья, на которого только и может он, Бахтин, опереть свою совесть? Полагаю, вопрос все равно остается открытым. На него мы уже не найдем того ответа, который бы нас удовлетворил. Но попытаться вступить с Бахтиным в участный неспешный разговор, без претензий на объективность и окончательность, мы можем.

Михаил Михайлович Бахтин, аскет, мыслитель, карнавалыный, дразнящий собеседник, ускользающий от чужих взглядов, стремящихся его ухватить, поймать, определить, уличить, остается для нас всегда неоткрытым, недосказанным и недослушанным автором. Разговор с ним, полагает В.Л. Махлин, не будучи вполне состоявшимся в нужное время, уже невозможен. Поздно. Ушел горизонт, в котором было возможно понимание, ушел контекст эпохи. И по большому счету наша встреча с Бахтиным так до сих пор и не состоялась. Его наследие уже «невозможно объяснить из *его* времени, *вне* которого, однако, оно вообще не может быть понято» [11, с. 338–339].

Значит мы должны вновь читать и понимать его исходное наследие, его «программные тексты», как выражается Махлин, а значит, все же его черновики, недописанные (сознательно) наброски. Но читать как бы сквозь, чтобы упереться сквозь них в человека, в Автора. Он оставил нам одни недосказанности, наброски, черновые записи... С.С. Аверинцев грустно замечает: от русского философа XX в. остались одни фрагменты как от ионийских досократиков. Эта фрагментарность относится к незавершенности внешнего оформления и изложения, но не означает незавершенности и неясности мысли.

Но главное состоит даже не в этом. Незавершенность (точнее, не окончательность) мысли в тексте означает то, что их автор, прежде всего, пытался состояться не столько в текстах, сколько в авторской речи. Тексты его и могли быть только незавершенными, набросками и фрагментами. Они не могли быть иными, поскольку их Автор состоялся в Голосе, в авторской речи, в своей «речевой жизни». Сам себе в 1961 году в период переработки книги о Достоевском он дает задание: «В третьей главе

в вопросе о мышлении голосами дать развернутое определение голоса как воплощенной идейной позиции в мире. Воплощение голоса в теле» [5, с. 364]. Через свои Голоса, утверждает Бахтин, раскрываются автор и герой у Достоевского. Бахтин показывал открытие Достоевским нового целостного представления о человеке, «человека в человеке», его личности, что требовало «радикально нового подхода к человеку, новой авторской позиции» [5, с. 365].

Эту позицию вненаходимости Бахтин воплотил и в самом себе, в своем подходе к себе как Автору «Бахтин», в том числе и относительно собственной позиции и способа предъявления миру себя Голосом. Он предъявлял миру себя через Голос, живя прежде всего «речевой жизнью». Городу и миру человек представлен в Голосе, в него, в его голос «<...> входит и мировоззрение, и судьба человека. Человек как целостный голос вступает в диалог. Он участвует в нем не только своими мыслями, но и своей судьбой, всей своей индивидуальностью» [5, с. 351].

Основу же для авторской позиции в создании образа человека составляет «позиция вненаходимости», поскольку автор всегда имеет *избыток* видения. Последнее возможно ввиду особого эмоционально-волевого тона, отношения к человеку не как к вещи и объекту, а как к личности, преодолевая овеществление человека. В «авторском избытке прежде всего есть любовь, сочувствие, сострадание и другие чисто человеческие реакции на другого человека, невозможные в отношении чистой вещи» [5, с. 367].

В голосе Бахтина при его разговоре со своими собеседниками доминирует именно эта тональность, этот тон любви и приятя другого, тональность сочувствия и сострадания: «Только бескорыстная любовь по принципу не по “хорошему мил, а по миру хорош”, только любовно заинтересованное внимание может развить достаточно напряженную силу, чтобы охватить и удержать конкретное многообразие бытия, не обеднив, не схематизировав его <...>. Безлюбовь, равнодушие никогда не разовьют достаточно сил, чтобы напряженно замедлить над предметом, закрепить, выделить мельчайшую подробность и деталь его. Только любовь может быть эстетически продуктивной, только в соотношении с любимым возможна полнота многообразия» [7, с. 59].

М.М. Бахтин относится к тем мыслителям, которые воплощали иную *онтологическую установку* в опыте философствования:

установку, нацеленную не на создание новой доктрины или учения, а на поиск своего места в мире, выполняя тем самым ответственное антропологическое задание – состояться в этом мире как событие. Но по поводу этого поиска ведь можно писать только дневники и черновики, составлять фрагменты, наброски... Ведь не может быть теоретического учения о поиске.

Что мыслитель, проделывающий долгий, трудный, непредсказуемый и рискованный поиск, может предъявить своим читателям, последователям, потомкам? Как можно назвать то, что с ним случилось в его поиске? Он может предъявить лишь свидетельства, живые *свидетельства о событиях этого поиска*. Не так называемые факты, которым исследователи приписывают объективность задним числом, утверждая, что так на самом деле и произошло. Обсуждать мы, нынешние современники, можем *не факты его биографии, а свидетельства событийности его личного опыта ответственного поступающего мышления*. Этим отличается принципиально единица нашего знания об опыте поиска от единицы теоретического познания – знания об объективных фактах¹. Свидетельство принципиально не есть знаниевая единица. Это единица живого, непередаваемого опыта. Но его можно предъявлять феноменологически.

Нас в данной работе, посвященной рефлексии автобиографического опыта М.М. Бахтина, интересуют не так называемые точные факты, доказанные и подкрепленные документами эпизоды его биографии или автобиографии, а *живые свидетельства его самого относительно понимания им самим своего пути*. Тем интереснее и важнее его прямая речь, прямые высказывания, в которых оформлены эти свидетельства. Поэтому и поверяться эти свидетельства с точки зрения объективности и достоверности быть не могут.

Но в науке, в том числе научно ориентированной философии, доминирует доктринальный подход, предполагающий построение теории, состоящей из позитивного знания об объектив-

¹ В.Л. Махлин резонно полагает, что ключевым местом для понимания истоков мысли М.М. Бахтина выступает понятие «участного мышления», преодолевающего крайности бесплодного теоретизма и ущербного эмпиризма современной ему философии, вводящее нас, по Бахтину, в «архитектонику действительного мира поступка» [12].

ных процессах и фактах. Сторонники такого подхода по привычке ждут от автора полноты и окончательности высказывания, желая увидеть великий Концепт, великую Доктрину. Мы ждем нового Гегеля или Канта. Ждем от Автора нового Откровения, открывающего нам глаза и показывающего путь к истине.

Любимые Бахтиным Киркегор и Ницше не оставили теоретических систем. Но путь указали. Путь как метод. Показали свой опыт мышления на границах. Показали вектор мысли, способ мысли и действия. Бахтин относится именно к таким мыслителям, не создающим доктрины, а показывающим способ мысли и действия, образ жизни. Остальное же – наброски, записки, фрагменты...

Бахтин не просто рассказывал о себе. Еще в АГ он разработал глубокую, авторскую концепцию автобиографии как культурной формы «самообъективации личности», как «трансгрессиентной формы, в которой я могу объективировать себя самого и свою жизнь художественно» [7, с. 216]. Автобиография задает личности смысловое целое. К формам объективации жизни личности Бахтин относил самоотчет-исповедь, автобиографию, биографию, житие и др. [7, с. 208–266, и др.].

Для Бахтина было важно найти адекватные личности смысловые формы построения своего смыслового целого, в котором стержневой опорой выступает «смысловая установка героя в бытии, то внутреннее место, которое он занимает в едином и единственном событии бытия, его ценностная позиция в нем» [6, с. 206]. Это означает, что исходным местом для ориентации человека выступает нахождение *места в событии бытия, построение места посредством этого смыслового целого*. Формы смыслового целого бывают разные – исповедь, автобиография, лирическая поэзия. Автобиографией как смысловым целым культурной формы преодолевается «в единстве ответственности» (есть у человека такой онтологический шанс) разрыв между жизнью и искусством, между внутренним и внешним, словом и действием, мыслью и действием. Вся жизнь выстраивается как такой жизненный поступок, понимаемый как *свершение*: «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своею жизнью <...>. Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребователь-

ность и несерьезность его жизненных вопросов. Личность должна быть сплошь ответственной» [7, с. 5].

Онтологическое укоренение личности в бытии связано с архитектурой ее ответственности. *Культурной формой жизни такой архитектуры и выступает автобиография*, в которой сопрягаются полюса и пределы – искусства и жизни, публичного и интимного, внешнего и внутреннего.

Отказ Бахтина от создания собственной автобиографии как специальной искусственной формы самообъективации личности не означал отказа от фактического построения автобиографии в реальности мысли и творчества. Идея Автора как Другого воплотилась в самих исследованиях Бахтина, но удивительным образом. Он создавал себя как автора через Большой Разговор со своими собеседниками. Три его великих собеседника, Гёте, Рабле и Достоевский, выступая другими по отношению к «Я» Бахтина, имплицитно помогали ему самому строить свое я, свою биографию. Бахтин, создавая концепты автора и героя, романа воспитания или полифонического романа, строил и концепт собственного авторства. Бахтин фактически воплотил на своем примере житие святого, но как монастырь в миру.

Собственно, рождение, возрождение Автора и есть событие, поскольку автор больше отдельного эмпирического индивида. Он становится тем органом бытия, через который бытие является в мир. Рождение автора происходит через рождение потаенного авторского слова. У личности автора как органа бытия вырабатываются инструменты, произведения, глазами и ушами которых мы видим через автора это бытие. Из вспышек событийных рождений складывается, составляется, ткется ткань автобиографии как истории личности.

Следы этих вспышек на примере Бахтина, несмотря на прерывистость и фрагментарность этого трека пути-истории, мы видим в его текстах и местах обитания. И хотя Бахтин сознательно скрывал и замуровывал себя как автора, все же произошел праздник возрождения автора.

А за свое произведение, автобиографию, встроенную в архитектуру поступающей личности, автор-личность несет онтологическую ответственность, поскольку у человека нет алиби в событии бытия. Произведение становится формой поступка личности

автора. Если же автор дает это алиби в начале создания произведения как исходное правило, то в таком творчестве не может быть ничего значительного, серьезного и ответственного. Предельность высказывания потаенного слова у Бахтина и сделала возможным этот праздник возрождения автора.

Драма авторства Бахтина состоит в том, что он, будучи недосказанным, оставившим нам не Доктрину, а следы когда-то состоявшихся всплески мысли, наброски и черновики, стал жертвой безудержной фантазии интерпретаторов XX в., дружно пытающихся его как бы дописывать, додумывать, упаковывать в свои рамки. Он быстро стал то неокантианцем, то структуралистом, то ницшеанцем, то религиозным философом, то философствующим филологом, то философом, работающим на литературной ниве. С.С. Аверинцев уже давно (в 1993 г.) заметил, что работы Бахтина – «не склад готовых научных результатов, которые можно “механически” применять, а нечто иное и большее: источник умственной энергии» [1, с. 256]. Подобные авторы не потому классики, продолжает С.С. Аверинцев, что непогрешимы и безупречны, а потому, что задают настоящий масштаб, особенно своим грядущим оппонентам [1, с. 256].

Если быть точнее, то многие исследователи читают тексты Бахтина, не слыша его Голоса. В то время как он сам в своих работах, прежде всего в ранних работах по антропологии, уже ввел понятие «эмоционально-волевого тона». Именно тон, тональность задают смысл архитектоники поступка, закладывают контекстуальные основания для поступка. Автора, собеседника надо слышать, а не читать и комментировать. Так в голоса Достоевского и его героев пытался вслушаться и сам Бахтин: «Герой Достоевского – не объективный образ, а полновесное слово, чистый голос; мы его не видим, мы его слышим...» [3, с. 62]².

² К числу редких и адекватных опытов понимания Бахтина относятся работы К. Эмерсон. Она замечает: «По существу, Бахтин никогда не стремился ни к созданию научной дисциплины, ни к сохранению ее самодостаточной чистоты... Бахтин был не философом в обычном смысле этого слова, не традиционным филологом, а скорее, мыслителем особого, пограничного типа» [14]. В этом смысле Бахтин продолжал фактически традицию, идущую от Канта, – мыслить на границах.

До этого еще в ФП была заложена основа для такой антропологии автора: «Для выражения поступка изнутри и единственного бытия-события, в котором свершается поступок, нужна вся полнота слова: и его содержательно-смысловая сторона (слово-понятие), и наглядно-выразительная (слово-образ), и эмоционально-волевая (интонация слова) в их единстве» [7, с. 31]. И далее: «Все действительно переживаемое переживается как данность-заданность, интонируется, имеет эмоционально-волевым тон, вступает в действенное отношение ко мне в единстве объемлющей нас событийности. Эмоционально-волевым тон – неотъемлемый момент поступка» [7, с. 32]³.

Значимость тона, тональности объясняется вполне понятным образом: автор выражает себя, совершает авторское высказывание от первого лица голосом, в самом акте речи, находясь в историческом контексте, здесь-и-теперь. Следы высказывания остаются в текстах, но акт высказывания-поступка уже был совершен. Поэтому события акта можно лишь «участно описать». Потому «первая философия» (она же и последняя) не может строить понятий о событиях ответственного свершения в поступке, а может лишь совершать некие феноменологические описания мира поступка [7, с. 31–32]⁴.

В 1944 г. в материалах и дополнениях к Рабле М.М. Бахтин пишет: «К проблеме тона. Если мы проанализируем тональность слова, любого словесного образа, то мы вскрыем в нем, хотя бы и в приглушенной модерированной форме, тон мольбы – молитвы или хвалы – прославления <...> Вторая пара: тон угрозы-устрашения и страха-смирения. Эти основные тона имеют многочисленнейшие вариации... Основой художественной тональности слова не может не быть любовь <...>. Но тонá любви замутнены иерархическими тонами <...> нет чистого тона любви» [6, с. 718].

³ На роль голоса и интонации в архитектонике авторства у Бахтина указывают также Г.С. Морсон и К. Эмерсон [15, р. 133–134].

⁴ Поэтому где-то В.Л. Махлин прав, говоря, что бахтинистика «почти прекратила свое существование» [11, с. 18]. Она закончилась в смысле исчерпанности привычной доктринальной стратегии понимания Бахтина, предполагающей сугубо теоретически-понятийное и даже прикладное отношение к его наследию, что невозможно, как невозможно понимание Другого вне причастности к акту его авторского высказывания.

Понять самого Бахтина, значит услышать его Голос, а не просто прочитать его текст. Услышать и понять (внять) тональности его слова, во многом созвучного тональности молитвы-покаяния.

Сугубо текстологическое и доктринальное отношение к Бахтину, к его мысли, опыту авторского мышления никакого отношения к нему не имеет. Такой ход по определению тупиковый, потому что Бахтин не доктринален. Он не строил Доктрину, не вырабатывал Концепцию. Он задавал вектор, направление, ориентацию, точнее, навигацию мышления. Задать вектор можно было лишь радикальной сменой оптики через авторское высказывание, требующего далее лишь многозначия и продолжения, высказывание, совершающееся в голосе. Продолжать за ним держать этот вектор, пытаться понимать его, слушая лишь его голос, а не порождать собственные галлюцинации, возможно лишь через опыт участного собеседования с ним, в котором он показывает, предъявляет (феноменологически, через собственный голос) свой опыт, свои свидетельства, приобщаясь к которым мы можем попробовать (без гарантий!) на себе осуществлять опыт возрождения такого же навигационного способа мышления, не порождая доктрины и концепции, включающие некие позитивные знания, а совершая путь обретения уже своего голоса, своего места в бытии, становясь его событием, говорящим бытием со своей интонацией.

На вопрос В.Д. Дувакина, собирается ли он писать воспоминания, М.М. Бахтин ответил резко и окончательно: «Не собираюсь совершенно» [8, с. 260]. Это и понятно: весь контекст бахтинского творчества говорит о том, что окончательное слово о человеке не может быть сказано и никогда не будет сказано. В таком случае, зачем писать о себе биографию, вспоминать прошедшую жизнь, если слово о себе, будучи написанным, будет неправдой или частью правды. Написание автобиографии предполагает отношение к себе самому как к другому, точнее, мы им одержимы, о чем уже было сказано выше.

Современные исследователи отмечают эту проблему другого [13, с. 93]. Но они не договаривают: ввиду неравенства я и другого возникает так называемый избыток видения, связанный с моим не заместимым никем местом в мире [7, с. 104 и др.]. Это неравенство я и другого, себя и себя как другого неизбежно и не-

обратимо. В силу чего в познании теоретически мы начинаем до-страивать образ себя до какой-то желаемой целостности и окончательности, теряя живой исток этого образа и корень архитектоники личности. Более того, создавать автобиографию может только тот другой, который обладает избытком видения и видит себя не только со стороны, но и более объемно. В таком случае я, создающий автобиографию, должен становиться на позицию другого и видеть себя как другого. Тот другой смотрит на меня как на другого и имеет шанс не впасть в нарциссизм или ложное юродство. Но такое по определению невозможно. Для этого надо занимать принципиально иное место, на котором я смогу стать тем другим, обладающим избытком видения. У меня как автора ведь исходно другая проблема – найти свое не заместимое никем место и быть, стать собой, быть как есть, неся собственную правду. Перейти в иное место другого возможно лишь в режиме имитации, как бы понарошку, обнаруживая фальшь этого «как бы».

Не я как я, а я как другой может быть центром события: «только другой как таковой может быть ценностным центром художественного видения, а следовательно, и героем произведения, только он может быть существенно оформлен и завершен, ибо все моменты ценностного завершения – пространственного, временного и смыслового – ценностно трансгредидентны активному самосознанию <...> я – оставаясь для себя самим собою – не могу быть активным в эстетически значимом и уплотненном пространстве и времени, в них меня ценностно нет для себя самого, я не созидаюсь, не оформляюсь и не определяюсь в них <...> я для себя эстетически не реален. Я могу быть только носителем задания художественного оформления и завершения, но не его предметом-героем» [7, с. 246].

Получается, что автобиография как автописьмо от первого лица в принципе невозможна. Она будет несостоятельной уловкой и хитростью однобокого я. Я не могу быть героем собственной автобиографии. Более того, автобиография как биография моего я, как письмо, текст вообще-то не реальна. Не реальна онтологически, в архитектонике ответственного события-бытия. Просто потому, что я для себя не могу существовать как оформленная реальность. Героем здесь выступает другой, т.е. я как другой. И потому при создании автобиографии я строю другого как своего

героя. Я сам как реальность, определенность «могу стать субъектом (не героем) только одного типа высказывания – самоотчета-исповеди, где организующей силой является ценностное отношение к себе самому и которое поэтому совершенно неэстетично» [7, с. 247]. Исповедь не является реальностью художественной.

В таком случае нужны особые ситуации встречи с другим, реальным собеседником, который поможет мне *говорить* о себе как есть, свою правду. И хотя такая ситуация должна создаваться искусственно, строиться, как создается диалог в произведении, но она должна нести смысл художественной правды. Как это увидел Бахтин в романе Достоевского, где автор и герой вступают в диалог как я и другой.

Насколько реален диалог я и другого в беседах Бахтина с другими собеседниками? Что из этих разговоров-бесед получилось в итоге? Мы можем лишь попробовать вслушаться в их разговоры, не вынося приговоров и вердиктов.

Разговоры с В.Д. Дувакиным состоялись в феврале-марте 1973 г. Их было шесть. С промежутком в неделю. Лишь последняя беседа была сразу же на следующий день после пятой. Как будто собеседники спешили. 18 часов записи. 18 часов неспешных бесед. 18 часов речи автора с перебивками собеседника.

Слышим его голос. Сильный. С хрипотцой. Голос заядлого курильщика. Бахтин отвечает с охотой. Увлеченно. Быстро, яркими мазками набрасывает образы тех, кто давно ушел в мир иной. Набрасывает уверенно, так, как будто он только вчера с ними расстался. Он говорит так, как будто собеседники сидят в кафе в Питере или на квартире в Невеле и беседуют. И те, о ком они говорят, – люди живые. Как будто не было этой бездны в десятки лет, бездны забвения и безмолвия. Впрочем, Бахтин говорил всегда. И когда читал лекции о Канте в Ленинграде в домашнем кругу, и когда работал учителем в школах, и когда преподавал в Саранске⁵.

⁵ Достаточно подробно разобран этот разговор у В.Л. Махлина, отметившего, что этот разговор хорош (и удивителен!) тем, что «выговаривает больше самих говорящих, беседа откровеннее самих беседующих и может “вытянуть” из них больше того, что они сами по себе, сознательно могли бы сказать вслух или даже про себя» [10, с. 4].

Логику, бесспорно, задавал Дувакин. Точнее, это так внешне выглядело, как это бывает в любом интервью. Спрашивающий спрашивает то, что его интересует, отвечающий отвечает. Потом снова вопрос, снова ответ. Это внешне. Но за логикой Дувакина стоял профессиональный интерес – желание расспросить собеседника про литературную жизнь тогдашнего Петербурга, потом Петрограда и Ленинграда, про поэтов и писателей. Когда же эти вопросы иссякли, то у Дувакина как бы и логика вся растворилась (о чем бы Вас, Михаил Михайлович, еще спросить?). А у Бахтина логики и интереса вроде вообще не было, он спокойно и даже местами увлеченно отвечал, рассказывал, вспоминая те или иные эпизоды, идя по вопросам собеседника: «Вот расскажите... А вот Вы помните?... Теперь про Ахматову, пожалуйста... А теперь про Маяковского... Вы его видели? Ну как он Вам? О Юдиной мы специально еще поговорим, отдельно...» И его собеседник терпеливо рассказывал.

Однажды Дувакин после очередной беседы точно заметил: «Вы прекрасно даете атмосферу. Атмосферу» [8, с. 102].

Атмосферу! Что может рассказывать мыслитель про свою жизнь? Еще учитывая, что толком никогда этого и не делал и не собирался писать о себе никакой автобиографии. Один вопрос, другой, третий... Но Бахтин рассказывал так, что между ними постепенно как бы восстанавливалась атмосфера того времени, в которой жил и Бахтин, и его ушедшие в мир иной современники и соплеменники. Что мог он рассказывать? Как выбирать те или иные эпизоды, подмечать те или иные детали? Да и помнить ведь все невозможно. Бахтин периодически жалуется на память. То фамилию забудет, то точную дату, то место.

Но он *помнит время*. Помнит не сознанием, не рационально. Помнит состоянием, тем самым эмоционально-волевым тоном. Основанием, критерием для рассказа у него было время, которое всегда с ним. А его помнить можно лишь интонационно. Потому так легко он начинал отвечать на вполне конкретные вопросы Дувакина.

Детали уходят, уходят подробности. Но время, его атмосфера остаются. Оно не помнится, оно просто в тебе всегда живет. Потому что это время, ты сам в нем представлен как есть. С тобой остается воздух времени, атмосфера. Бахтин не придумывает про-

шное, этого не требуется. Он просто открывается собеседнику и передает ему свое ощущение времени, его *интонацию*. Ее он вновь и переживает. Он показывает не прошлое, он предъявляет время. А это возможно не нарративом, рассказом, словом, а интонацией, голосом, отношением. Это не сложно потому, что оно всегда с ним. Но только ее, интонацию времени, атмосферу, и можно передать, показать. Все остальное так или иначе начинает как-то путаться, забываться, детали смешиваются, даты переставляются. Но остается интонация: «Действительное поступающее мышление есть эмоционально-волевое мышление, интонирующее мышление, и эта интонация существенно проникает и все содержательные моменты мысли» [7, с. 33]⁶.

Собственно, это и есть автобиография автора: показ, предъявление другому (слушателю, читателю, собеседнику) времени, в котором он жил и которое осталось с ним. И от него требуется восстановить это время, т.е. восстановить свое состояние, переживаемое им тогда, будь то Невель, или Витебск, или Ленинград 1920-х. Или Одесса 1910-х.

Это и есть настоящая автобиография поэта и философа. Потому что Автор рассказывает про время, про то ощущение событийности времени, которое более всего помнится, точнее, живет в тебе, и тебе не составляет труда это состояние тут же восстановить. И в нем, в том времени, он себя ощущал, находил, жил, становился, обретал свое место, то самое, незаменимое и незаменимое. И в этом рассказе важны не достоверность и объективность, а правда интонации.

А детали, эпизоды – лишь следы событий, лишь следы дыхания на замерзшем стекле. Дыхнешь – и вот влажное пятно постепенно сужается, сужается и исчезает. Потом снова теплый

⁶ Нам еще предстоит услышать Бахтина-философа и поэта во весь его Голос со всеми его интонациями. Но в период его освоения и публикаций документов в 60–90-е годы прошлого века многие исследователи были увлечены текстами, словом, точнее, их фрагментами. За этим ворохом набросков еще предстоит услышать его Голос. В 1995 г. С.Г. Бочаров замечает: «<...> неостребованным слишком многое остается и по сейчас – например, замечательная бахтинская *теория интонации* как первичного экзистенциального момента высказывания, определяющего всю его музыку, выводящего слово за его словесные пределы» [9, с. 290].

выдох, снова след, снова выдох... Человек помнит вздох-выдох, дыхание, реальность своего состояния, своего пребывания во времени. А следы капризны. Они быстро исчезают.

Такое проговаривание про свое состояние времени и есть автобиография. Как способ восстановления времени в себе и себя во времени.

Но это возможно через восстановление своего состояния себя как есть, чувства реальности себя в те моменты времени, которые потому и не прошедшие, они всегда настоящие, восстановление реальности как есть, не в смысле дурной объективности, а в смысле правды состояния, ощущения себя. Бахтин не рассказывает Дувакину байки из своей прошлой жизни, он показывает ему правду своего состояния, а не просто эпизоды из прошлого. Мол, поехал, приехал, поступил, закончил, того увидел, этого услышал... Сквозь эти эпизоды незримо присутствует он, Автор, который в Бахтине живет.

В этой *интонации времени* слышится спокойно-ироничный тон рассказа о себе и о времени. О других – либо явное неприятие, либо теплое воспоминание, либо восторг и радость за успех поэта. И тут же – читает стихи. Например, Блока. Читает возвышенно, чеканит в такт метру стиха... Как будто и нет этого почтенного возраста и этих прожитых лет...

Мы видим даже некую смысловую логику в структуре опыта автобиографирования: *интонация – атмосфера – время – момент времени – состояние себя в момент времени – восстановление состояния – высказывание...*

Держа эту оптику рассказа (разумеется, не рассудочно, а в личностной архитектонике, состоянием, интонацией), Бахтин тем самым не позволяет себе свалиться ни в крайности мемуариста, ни в крайности нарциссизма, ни в крайности псевдоюродства. Он может собеседнику показать правду себя, но без надрывов и сердечных мук.

Помнить – значит хранить свое состояние тогда, много лет назад. Автобиография, еще раз акцентируем, это не написание текста про прошлые годы, попытка вспомнить какие-то факты, желая рассказать то, как «на самом деле было». Автобиография – это способ восстановления своего состояния, в котором ты пребывал в тот момент времени. Показать его, момент времени, можно

лишь интонацией. Это состояние ты не помнишь головой, рассудочно. Это состояние – ты сам, оно всегда с тобой. Поэтому Бахтин легко и сразу может показать тот или иной кусок времени, раскрыть его собеседнику. И в этом показе главными героями становятся те, кто с Бахтиным всегда был живым собеседником. Они никуда не ушли, с ними он переживал событие бытия, они становились соавторами авторского слова.

Восстановление состояния, проживания момента времени означает *возрождение автора*. Из таких попыток составляется реальная автобиография. И потому всегда переживается праздник возрождения автора. Поэтому автор бессмертен.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // Дружба народов. 1993. № 3. С. 256–259.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е. М.: Советский писатель, 1979. 320 с.
4. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
5. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 5. М.: Русские словари. 1996. 732 с.
6. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 4 (1). М.: Языки славянских культур, 2008. 1120 с.
7. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. 957 с.
8. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина; комментарии: Ф.Д. Ашнин, А.М. Кузнецов, Л.С. Мелихова, Н.И. Николаев, А.С. Шатских. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. 342 с.
9. *Бочаров С.Г.* Событие бытия. О Михаиле Михайловиче Бахтине // М.М. Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры. Том II / сост. и коммент. К.Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 2002. С. 277–294.
10. *Махлин В.Л.* Тоже разговор // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 3–45.
11. *Махлин В.Л.* Рукописи горят без огня; Замедление // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л. Махлина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5–22; 333–363.

12. Махлин В.Л. «Участное мышление». Философский проект М.М. Бахтина в контексте онтологического поворота XX в. // Историко-философский ежегодник. 2018. Т. 33. С. 267–292.
13. Томэ Д., Шмид У., Кауфман В. Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 336 с.
14. Эмерсон К. Двадцать лет спустя: Гаспаров о Бахтине // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 12–47.
15. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990. 552 с.

References

1. Averintsev, S.S. “Mikhail Bakhtin: retrospektiva i perspektiva” [“Mikhail Bakhtin: retrospective and perspective”]. *Druzhba narodov*. 1993, no. 3, pp. 256–259. (In Russ.)
2. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*Aesthetics of Verbal Creativity*]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.)
3. Bakhtin, M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Poetics*]. 4th ed. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1979. 320 p. (In Russ.)
4. Bakhtin, M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [*Literary Criticism*]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1986. 543 p. (In Russ.)
5. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [v 6 (7) t.] [*Collected Works : in 6 (7) vols*]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari Publ., 1996. 732 p. (In Russ.)
6. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [v 6 (7) t.] [*Collected Works : in 6 (7) vols*]. Vol. 4 (1). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 1120 p. (In Russ.)
7. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [v 6 (7) t.] [*Collected Works : in 6 (7) vols*]. Vol. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 957 p. (In Russ.)
8. *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [*M.M. Bakhtin: The Duvakin Interviews*]. Com.: F.D. Ashnin, A.M. Kuznetsov, L.S. Melikhova, N.I. Nikolaev, A.S. Shatskikh. Moscow: Izd. gruppa “Progress” Publ., 1996. 342 p. (In Russ.)
9. Bocharov, S.G. “Sobytie bytiya. O Mikhaile Mikhailoviche Bakhtine” [“The event of being. About Mikhail Mikhailovich Bakhtin”]. *M.M. Bakhtin: pro et contra. Tvorchestvo i nasledie M.M. Bakhtina v kontekste mirovoi kul'tury* [*Creativity and heritage of M.M. Bakhtin in the context of world culture*]. Vol. II. Comm. K.G. Isupov. St Petersburg: RHGI Publ., 2002. pp. 277–294. (In Russ.)
10. Makhlin, V.L. “Tozhe razgovor” [“Also a conversation”]. *Voprosy literatury*. 2003, no. 4, pp. 3–45. (In Russ.)

11. Makhlin, V.L. “Rukopisi goryat bez ognya”; “Zamedlenie” [“Manuscripts burn without fire”; “Deceleration”]. *Mikhail Mikhailovich Bakhtin*, ed. by V.L. Makhlin. Moscow: ROSSPEN, 2010. pp. 5–22; 333–363. (In Russ.)
12. Makhlin, V.L. “‘Uchastnoe myshlenie’. Filosofskii proekt M.M. Bakhtina v kontekste ontologicheskogo povorota XX v.” [“‘Participatory thinking’. Philosophical project of M.M. Bakhtin in the context of the ontological turn of the 20th century”]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. 2018. Vol. 33, pp. 267–292. (In Russ.)
13. Tome, D., Shmid, U., Kaufman, V. *Vtorzhenie zhizni. Teoriya kak tainaya avtobiografiya* [Invasion of life. Theory as a secret autobiography]. Moscow: Izd. dom VSHE Publ., 2017. 336 p. (In Russ.)
14. Emerson, K. “Dvadtsat' let spustya: Gasparov o Bakhtine” [“Twenty years later: Gasparov on Bakhtin”]. *Voprosy literatury*. 2006, no. 2, pp. 12–47. (In Russ.)
15. Morson, G.S., Emerson, C. *Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1990. 552 p. (In English)